

Лань Сюаньцин наблюдает за изменениями выражения лица Чжан Чжэ.

Понял.

Он раскрыл зонт от солнца, поднял его над головами Чжан Чжэ и Жэнь Цинъюнь и мягко произнёс:

— На улице жарко, прошу вас, пройдёмте в тень.

Чжан Чжэ заметил лёгкий румянец на щеках Жэнь Цинъюнь, взял зонт и благодарно кивнул Лань Сюаньцину.

Лань Сюаньцин вежливо улыбнулся и пошёл вперёд.

Сун Хуайцы с улыбкой сделал приглашающий жест.

Жэнь Цинъюнь разжала ладонь, которую держал Чжан Чжэ, и легко взяла его под руку, тепло поблагодарив Сун Хуайцы.

Все четверо вместе вошли в «Бишан». Хэ Цзе подошла и взяла из рук Чжан Чжэ зонт, а другой сотрудник принял у Лань Сюаньцина обязанности сопровождающего, провожая высокое руководство к лифту и идя впереди.

По пути Чжан Чжэ представил Сун Хуайцы:

— Это крупный акционер нашей компании, руководитель, отвечающий за наше сотрудничество, Жэнь Цинъюнь. И... моя жена.

Чжан Чжэ было немного неловко.

Сун Хуайцы кивнул, Жэнь Цинъюнь великодушно протянула руку:

— Директор Сун, рада знакомству.

Сун Хуайцы тоже не стал жеманничать, пожал её ладонь и, отпуская, улыбнулся:

— Директор Жэнь мне льстит, для моей компания — честь достичь соглашения с вами обоими.

Жэнь Цинъюнь прониклась к Сун Хуайцы ещё большей симпатией.

Некоторые заносчивые начальники свысока смотрят на женщин-акционеров и женщин-директоров, в разговоре невольно берут менторский тон или явно или тайно высказывают пренебрежение, что раздражает.

Но Сун Хуайцы перед ней держался безупречно, слова его были уважительны, в глазах и улыбке сквозила мягкая элегантность, что тоже добавляло ему очков.

Она молча переглянулась с Чжан Чжэ и оба увидели в глазах друг друга удовлетворение.

Сун Хуайцы сделал вид, что ничего не заметил, но в его улыбке прибавилось скрытой уверенности в победе.

Он ведь ещё не применил свои настоящие методы, а добился успеха одной лишь показной любезностью.

В сравнении с этим императорский двор — куда более хлопотное место.

По крайней мере сейчас его голова ещё надёжно сидит на плечах, и можно не беспокоиться за свою паршивую жизнь.

А, нет, свою паршивую жизнь он уже потерял однажды.

ТЬфу.

В душе Сун Хуайцы промелькнуло раздражение.

Когда всё здесь устаканится, он обязательно проведёт тщательное расследование, чтобы выяснить, какая же это бешеная обезьяна лишила его жизни.

Дальнейшее сотрудничество благодаря хорошему впечатлению, оставленному Сун Хуайцы, пошло гораздо глаже.

Контракт был успешно подписан.

Лань Сюаньцин и Сун Хуайцы провели для Чжан Чжэ и Жэнь Цинъюнь короткую экскурсию по компании, а Сун Хуайцы заодно воспользовался случаем, чтобы познакомиться с художественным отделом.

К полудню Лань Сюаньцин специально организовал машину.

Все четверо вместе прибыли в отдельный кабинет ресторана «Шэньшансюань». Чжан Чжэ и Жэнь Цинъюнь одно за другим пробовали подаваемые блюда чжэцзянской кухни и были покорены в самое сердце.

Когда Чжан Чжэ увидел вывеску «Шэньшансюань», он решил, что Сун Хуайцы выбрал их фирменную кухню — сычуаньскую, ведь это была визитная карточка заведения.

Он как раз волновался, выдержит ли желудок Жэнь Цинъюнь, но не ожидал, что Сун Хуайцы закажет лёгкую, нежную и освежающую чжэцзянскую кухню.

Если бы тот не подготовился заранее, Чжан Чжэ ни за что бы не поверил.

Суть была не в том, что Сун Хуайцы знал о больном желудке Жэнь Цинъюнь, а в том, что он приложил усилия, чтобы продемонстрировать это.

Чжан Чжэ поднял бокал, обращаясь к Сун Хуайцы:

— Директор Сун, вы очень внимательны.

Сун Хуайцы одной рукой взял бокал за корпус, а указательным и средним пальцами другой руки слегка придержал донышко, и улыбнулся искренне:

— Директор Чжан, вы слишком любезны. Даже обычный друг заметил бы это, я просто обязан старательностью секретаря Ланя.

Он не отказывался от своей заслуги, а великодушно признал её, но в иной формулировке, и не забыл упомянуть усердно работавшего в тени Лань Сюаньцина.

Зачем быть безымянным героем, который делает всё тихо?

Сун Хуайцы не любил быть немым.

Заметив, что Чжан Чжэ снова поднимает бокал в его сторону, слегка отвлёкшийся Лань Сюаньцин поспешно поднял свой в ответ.

Он отпил немного вина, но взгляд его невольно снова скользнул к руке Сун Хуайцы, в голове прокручивался только что виденный жест, которым тот держал бокал.

Снова совпадение?

Но он не помнил, чтобы у Сун Хуайцы была привычка держать бокал двумя руками — этот человек давно уже был заносчив.

И этот особый жест, поддерживающий донышко, был характерной мелочью Сун Хуайцы.

В романе тоже упоминалось: сначала Сун Хуайцы решил, что так держать бокал удобнее, потом привык и уже не мог избавиться от этой привычки, она стала одной из отличительных черт персонажа Сун Хуайцы.

Сун Хуайцы съел всего несколько ложек риса и почувствовал, что он как жеваная бумага. Всё оставшееся время Лань Сюаньцин, косясь, видел лишь, как Сун Хуайцы рассеянно тыкает палочками в еду, а его недоеденная половина тарелки риса так и осталась стоять рядом, к ней он больше не притронулся.

Поскольку был обед, все четверо пили мало, лишь несколько раз подняли бокалы.

Чжан Чжэ сам вызвал водителя. Дождавшись, когда машина супругов скроется из виду, Сун Хуайцы наконец перевёл дух.

Отлично, первый барьер взят.

Они сели в машину, которую организовал Лань Сюаньцин, и поехали обратно в компанию. Сун

Хуайцы прислонился к окну и закрыл глаза, отдыхая.

Смотрящий вперёд Лань Сюаньцин медленно повернул голову и уставился на профиль, освещённый солнцем.

Прямая переносица, как небольшой холм, яркий солнечный свет падал с самой вершины этой линии, отчётливо высвечивая каждую ресничку. Лицо, лишённое грубых дефектов и пор, напоминало свежесожжённый белый фарфор, украшенный двумя изогнутыми мягкими губами.

Слишком похож.

И это лицо, и перемены за последние два дня.

Сейчас он был прекрасен, прекрасен настолько, что перестал быть похож на Сун Хуайцы.

Длинные, загнутые кверху ресницы слегка дрогнули, затем распахнулись, открывая глаза. Светлый оттенок радужки под солнцем казался ещё более прозрачным, как стеклянный шарик, окутанный сиянием.

Этот стеклянный шарик на миг отразил растерянность, медленно повернулся к нему, и тут же улыбка накрыла его, заслонив собой прозрачную глубину, скрыв всё остальное.

— Что случилось?

Лань Сюаньцин моргнул, отвернулся. Голос его, как всегда, был холоден и отстранён:

— Ничего.

Машина остановилась перед офисом «Бишан». Лань Сюаньцин вышел первым, обошёл с другой стороны и открыл дверцу для Сун Хуайцы.

Сун Хуайцы вышел, поднялся наверх и вернулся в кабинет.

Едва войдя, он увидел на столе ту самую забытую им бутылку со светло-жёлтым чаем.

В памяти всплыла прямая, неприукрашенная доброта сестры Ли.

Он подошёл, взял бутылку и задумался.

Вернувшийся с документами со своего рабочего места Лань Сюаньцин, войдя в кабинет, увидел застывшую спину Сун Хуайцы.

Может быть, ему показалось, но в этом силуэте ему почудилось одиночество.

Он тихонько постучал по дверному косяку.

Силуэт шевельнулся, обернулся. На лице была всё та же улыбка, которая уже успела надоесть.

То одиночество определённо было ему лишь почудилось.

Неужели ему не надоедает всё время улыбаться? Смотреть уже надоело.

Сун Хуайцы протянул стакан Лань Сюаньцину и сказал:

— Секретарь Лань, откройте, пожалуйста.

Лань Сюаньцин мысленно закатил глаза.

Не видит, что ли, что у меня в руках папка? Взрослый мужик, а сам не может открыть бутылку?

Кого он обманывает? Просто опять начинает чудить, изводит его.

Лань Сюаньцин смирился, положил папку на стол, взял стакан, открутил стальную крышку. Лёгкий сладковатый аромат коснулся носа.

Хризантема?

Лань Сюаньцин опустил взгляд.

Сестра Ли уже заботливо выловила цветы жимолости и хризантемы, оставив лишь прозрачный настой.

Он протянул открытый стакан Сун Хуайцы.

У того жар?

Сун Хуайцы сказал спасибо, запрокинул голову и отхлебнул глоток. На вкус неплохо, с лёгкой сладостью.

Сун Хуайцы сел в своё директорское кресло, взгляд упал на лежащую на столе папку.

— Что это?

Лань Сюаньцин открыл папку, положил перед Сун Хуайцы и сказал:

— Шеф, это материалы, которые понадобятся на сегодняшнем совещании. В основном это данные по доходам от игр, аудитории и результаты опросов. В целом всё неплохо. А ещё через несколько дней на банкете нужно будет рекламировать новую игру, так что нужно подготовить тестовый сервер и раздать приглашения тестировщикам. Это отчёт отдела тестирования и команды по запуску, а это подготовленный к публикации маркетинговый текст для игры.

Сун Хуайцы терпеливо слушал, а в голове лихорадочно пытался упорядочить непрерывно всплывающие новые фрагменты памяти.

Тьфу, кто бы одолжил мне ещё один мозг? Мой старый приятель того гляди помрёт.

Мозг работал с бешеной скоростью, но улыбка на лице не изменилась. Сун Хуайцы сказал:

— Я понял, ступайте. Когда начинается совещание?

Лань Сюаньцин взглянул на часы:

— Осталось сорок минут, начало в два. Совещание предположительно займёт чуть больше часа. В назначенное время я зайду за вами.

Сун Хуайцы кивнул:

— Спасибо. И закройте, пожалуйста, дверь.

А то боюсь, что мой вид, когда я сойду с ума, будет слишком уродлив.

Лань Сюаньцин ответил "хорошо" и вышел из кабинета, послушно притворив за собой дверь.

В тот миг, когда дверь закрылась, Сун Хуайцы глубоко вздохнул.

Он обхватил голову руками, то похлопывая себя по ней, то массируя виски, и обессиленно произнёс:

— Старина, ты ещё жив? Я иду тебя спасать.

Висок пронзила острая боль — похоже, старина отвечал предсмертной агонией.

Сун Хуайцы поднял голову, взглянул на время, похлопал себя по щекам и уткнулся в толстую папку.

Держись, Сун Хуайцы! Я лучший!

Только что Лань Сюаньцин вкратце перечислил вопросы, которые будут обсуждаться на

совещании, и память Сун Хуайцы, словно сорвавшись с цепи, обрушила на него лавину текстов и событий прошлого, едва не отправив старину в нокаут.

Теперь, когда он начал вчитываться в каждый документ отдельно, обнаружилось, что связанных с ними фрагментов памяти стало ещё больше. Всякие сложные, малопонятные технические термины и научные концепции насильно впихивались в мозг Сун Хуайцы.

Это было похоже на куст арахиса с обычной внешностью, под которым тянулись бесчисленные переплетённые ответвления.

К счастью, Сун Хуайцы неплохо усвоил шесть благородных искусств, иначе, если бы он не знал даже счёта и письма, его звание придворного чтеца было бы совсем пустым титулом.

Сорок минут пролетели быстро. Когда Сун Хуайцы всё ещё был погружён в свои записи, раздался стук в дверь, и вслед за ним послышался голос Лань Сюаньцина:

— Шеф, переговорная готова.

— Иду.

Лань Сюаньцину показалось, что голос Сун Хуайцы звучал как-то старше.

Надеюсь, он не того?

Всё-таки Лань Сюаньцин зависел от зарплаты, которую платил ему Сун Хуайцы.

Как раз когда Лань Сюаньцин колебался, не постучать ли ещё раз, чтобы выразить участие, дверь кабинета открылась.

Улыбка на лице Сун Хуайцы была всё так же безупречна:

— Ведите.

Лань Сюаньцин посмотрел на него: в одной руке папка, в другой стакан с водой — вылитый завуч, расхаживающий по школьным коридорам.

Он протянул руку, чтобы взять у него папку, но Сун Хуайцы приподнял её повыше и улыбнулся:

— Не нужно, спасибо, секретарь Лань.

Сун Хуайцы ни за что не позволил бы Лань Сюаньцину забрать его шпаргалку.

Лань Сюаньцину было лень с ним препираться, он развернулся и пошёл вперёд.

Будто ему очень хотелось ему помогать.

Лань Сюаньцин провёл Сун Хуайцы до переговорной.

Он открыл дверь, Сун Хуайцы вошёл и сразу увидел длинный стол, за которым уже сидели представители всех отделов, пришедшие на совещание. Как только дверь открылась, они все, словно по команде, подняли головы и посмотрели на вошедшего.

Ого.

На мгновение Сун Хуайцы почувствовал, будто вернулся в прошлое. Он широким шагом входил в зал Сюаньчжэн, встречая взгляды всех присутствующих чиновников, шёл вперёд, пока не совершал земной поклон, а затем вставал по правую руку от императора, чуть ниже его.

Во взглядах чиновников сквозило то презрение, то негодование, то привычка, то страх.

Сун Хуайцы держался с достоинством, не выказывая ни гордости, ни подобострастия, и с высоко поднятой головой встречал эти разные взгляды.

Вот так.

Именно такие взгляды, полные желания наброситься, стащить его вниз и втоптать в грязь.

Завидуйте, негодуйте.

Именно так, чтобы его улыбка казалась ещё более сострадательной и нежной, словно гордый лотос, одиноко стоящий среди увядших листьев в пруду.

Сун Хуайцы обвёл взглядом переговорную, неторопливо подошёл к месту во главе длинного стола и сел. Поставил стакан с водой на стол, синюю папку положил на колено, кончиками пальцев легонько постучал по обложке, растянул губы в улыбке и произнёс:

— Начинаем, господа.

<http://bllate.org/book/22454/2360849>